"У нас было во матушке в каменной Москве..."

(Владимирск. губ., Константиновская волость)

У нас было во матушке в каменной Москве,
У царя было Ивана Васильевича,
Был у него почетный пир,
Было у него столование великое:
Съезжались князья и бояра,
Сильные могучие богатыри,
И вся полени́ца удалая.

Пир на полупире,
А стол на полустоле,
Полсыта бояры наедались,
Полпьяна боляры напивались,
Грозный царь Иван Васильевич распотешился,
Сам по палатушкам похаживал,
Во красное окно поглядывал,
Черныя кудри расчесывал частым гребешком,
Сам говорит таковыя словеса,
Он сказал боярам: «Пейте и проклажайтеся,
Ничем собою не похвалитеся:
Вывел я измены из своей земли,
Вывез Перфила из Царя-града!»

Да иной о нем дрогнули,
И царство ужаснулися,
Не знают ответа дать:
Большой за малого хоронится,
А малого за большим давно не знать.
Выходит-выступает великий князь,
Молодой Иван Иванович,
Сам говорит такие словеса:
«Отселяя мой родной батюшка,
Грозной мой царь Иван Васильевич!
Поизволите ль слово молвовить,
Не вели за слово повесить,

Не будь опалить за мои словеса:
Помнишь ли и памятуешь ли,
Как стояли под городом и по Дóнския?
Много мы силы потратили:
Была у нас изменушка великая
От твоего сына порожденного,
От молода Фёдора Иванова».

Грозен царь опаляется
На своего сына порожденного Фёдора Ивановича:
«У мене ли не стало ли грозных палачей?»
Сходилось палачей всё десятками,
Сходилось палачей и полуторами,
Не знают палачи, как ответу дать:
Большой за малого хоронится,
А малого за большим давно не видать.

Выходит-выступает малая Малютка, Скураткин сын,
Говорит такия слова:
«У меня ли руки подымутся
На ваши ли роды на царские,
Не дрожит моя рука со вострой саблей!»
Взял он Фёдора Ивановича за белыя руки,
За те ли перстни позолочоныя,
Скоро повел зá Москву-реку,
Ко этому месту ко Лобному,
Ко этой плахе ко липовой,
Грознами казнити казнями,
Очи вынимать косицами,
Язык вырезать из темени.

По сеням по новым по косящатым,
Не красное солнышко покатилось нá земли,
Проходила тут царица благоверная
Ко своему брату любезному,
К молоду к Миките Романовичу:
«Вот мой милой братец,
Микита Романович!
Чтó спишь — не прóснешься,
Ничего ты не знаешь ли?

Как упала звезда поднебесная,
Погасла свеча местная,
Не стало у нас царевича
Федора Ивановича:
Сей час повели за Москву-реку,
Ко тому ли месту ко Лобному,
Ко той плахе ко липовой,
Разными казнити казнями».

Скоро вставал на резвыя ноги,
Сапоги надевал на босыя ноги,
Шубу надевал рукавом на плечо,
Шапку надевал блином на главу,
Садился на коня не на сёдланного,
Скоро поскакал за Москву-реку,
Ко тому ли месту ко Лобному,
Ко той ли плахе ко липовой,
Сам скричал громким голосом
И шапкою машет:
«Бог того помиловал,
Царь-государь его жаловает!
И ты, малая Малютка, Скураткин сын,
Не за свой ты кус принимаешься,
Этим кусом сам подавишься!»
Ткнул он Малютку во белую грудь,
И Малютка на ногах не устóяла,
И жив не бывал.
Взял он Федора Ивановича за белыя руки,
И повел он на широкий двор,
Во свою палату белую каменную:
Посадил на стул позолоченной.

Не долгое время помешкамши,
Ударили к обедне ко ранней.
Идет тут батюшка,
Грозный царь Иван Васильевич,
На нем платье ж троворное и нерадошное;
Богу молится и покланяется,
А сам горючим слезы заливается.
Едет тут светлейший князь,

Молодой Микита Романович,
На нем платье паратное;
Молится, покланяется, и сам улыбается,
Говорит царю на усобинку1:
«Здраствуй, наш государь,
Царь Грозной Иван Васильевич!
Поздравляю вас с двумя сынами:
С первым — Иван Ивановичем,
С другим — Федором Ивановичем!»
Грозный царь опаляется
На своего шурина Микиту Романовича:
«Или ты мною насмехаешься,
Или ты не знаешь и не ведуешь,
Что упала звезда поднебесная,
Угасла свеча местная,
Не стало молода царевича
Федора Ивановича?
Скоро повели за Москву-реку,
Ко месту ко Лобному,
Ко той ли плахе ко липовой,
Грозными казнити казнями,
Очи вынимать косицами,
Язык вынимать из темени!»
Возговорит светлейший князь,
Молодой Микита Романович:
«Грозный царь Иван Васильевич!
Твой сын у меня сидит,
Во моих палатах белых каменных,
Жалобу творит на своего брата любезного,
На молода Ивана Ивановича,
«Что привел меня к смерти напрасной!»»

Грозный царь возрадовался:
«Ой еси, светлейший князь!
Чем тебя жаловать?
Ой тебя жаловать — треть земли,
Или золотой казной, или городом,
Или крестьянами, или Москвою?» —
«Не надобно мне ни треть земли,
Ни каменной Москвы,

Пожалуй мене тримѝ улицами,
Первою улицею Арбатскою,
Второю улицею Никитскою,
Третью улицу — Месницкую:
Кто взойдет в них,
Не было не взыску, не выемки[2]».

Песни, собранные П. В. Киреевским, Ч. II. Песни былевые, исторические. Вып. 6. Москва. Грозный царь Иван Васильевич, 1864.

1 На особицу.
2 Не вынимали бы там иску или на суд, не обыскивали и не захватывали. — О.